

Аманда Рейн

Не было бы счастья, да...

УДК 7.04
ББК 85
Р31

Рейн А.

Р31 Не было бы счастья, да... / Аманда Рейн. – М.: Литнет, 2026. – 186 с.

ISBN 978-5-521-99797-8

Заманчивое предложение босса провести вечерок на даче вместе с его другом, я променяла на далекую командировку в Китай. А там... там так все завертелось. Новый начальник, моя непутевая и даже опасная мать... в общем я и подумать не могла, что в моей обычной жизни может произойти столько событий.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99797-8

© Литнет, 2026
© Рейн А., 2026

Глава 1

В отца стреляли, Кира на моих руках истекала кровью, а я посреди этого кошмара не знала что и думать! А ведь моя история начиналась совсем не так! Она начиналась с красавца босса и моих смелых фантазий. Только вот судьба та еще штука...

Дина

Я захлопнула дверцу, привалилась к стене. Если так буду злиться каждый день, то не доработаю до окончания договора в этой чертовой фирме, куда отправила меня Майя. От всех грубых слов, вылетающих изо рта временного начальника, я заводилась в считанные секунды, не зная, куда деваться от негодования, еле сдерживая порыв врезать по его наглой, красивой физиономии и втолковать тирану – так обращаться со своими подчиненными нельзя.

Отдышавшись, и распахнув глаза, я уставилась на свое отражение в зеркале. Разъярённая фурия, иначе меня и не назовешь, но честное слово, терпение было на пределе. Открыла кран. Плеснула холодной воды на горящую кожу. Капли тут же стекли по шее, вниз, в ложбинку между грудей, немного остужая злость.

Возвращаюсь на рабочее место.

– Дина! – властный, грубый тон босса раздался из кабинета. – Принеси воды!

Я вздрогнула от неожиданности. Уже даже только от этого низкого, хриплого голоса мурашки охватили всё тело. Так! Успокоиться. Я же не хочу быть обвиненной в убийстве босса?

Графин с водой чуть не выскользнул из рук, стоило только открыть дверь. Упругие мужские ягодицы сжимались в такт резким движениям члена. Длинные, стройные ноги, обвившие мокрую от пота поясницу, глухие стоны, заглушаемые жадными поцелуями, и невыносимый запах секса на всю комнату.

Я увидела слишком многое. Ни стыда, ни совести!

И всё бы ничего. Тихонько поставить воду и уйти. Но тут чья-то огромная рука проникает под юбку, проходится по ткани трусиков, сдавливает мои ягодицы, одним пальцем надавливая на тугое отверстие, а над ухом раздается вкрадчивый, мужской шепот.

– Ммм! Хочешь так же?

Испуганный, сдавленный крик, звук разбивающегося стекла и злые, потемневшие глаза Дмитрия, на искривленном от гнева, повернувшимся в нашу сторону, лице. Глаза прожигают меня насквозь.

А я все стою, ощущая грубое прикосновение незнакомца, растерянно взирая на происходящее, словно со стороны и страстно желая поднять один из осколков, после чего отрезать двум нахам их достоинства.

– Нет, – собственный голос кажется чужим, надтреснутым, – не хочу.

– Все бумаги по новому контракту готовы в нескольких экземплярах, – почти грубо чеканю я скороговоркой, стараясь не смотреть на лицо босса.

– Спасибо Дина, можешь уйти домой пораньше. На сегодня хватит.

Дмитрий забирает папки, поворачивается ко мне спиной и теми самыми ягодицами, которые я полчаса назад видела голыми. Брюки он подбирает что надо, подчеркивают все его неоспоримые достоинства. Знает говнюк, какое именно впечатление производит на женщин.

– Тебе не надоело?

Я не сразу поняла, что вопрос адресован именно мне. Села ровнее. Мужчина пристально разглядывал мое лицо. Можно даже сказать изучающе.

– Я вас не совсем поняла Дмитрий Геннадьевич.

– Ты слишком рьяно строишь из себя скромницу и борца за справедливость, при этом я же вижу твой взгляд, заинтересованный скажем так.

Кровь прилила к щекам. Не спорю, внешне он мне нравился, но в целом его поведение вызывало лишь отвращение.

– Как тебе Константин?

Я снова сделала глупое лицо. Весь этот разговор вызывал противоречивые чувства.

– Тот, с кем ты столкнулась сегодня в моем кабинете, – не дожидаясь ответа, напомнил босс.

Подошел ближе, присел на краешек стола, нависнув надо мной, как скала. Широкие плечи заслонили солнечный свет.

– Ваш друг... – я замялась, заерзала в кресле, вспоминая прикосновения грубой мужской руки к своей пятой точке, – друг как друг. Я его совсем не знаю.

– А хочешь? Узнать. Мне кажется, ты в тайне даже от самой себя согласна на определенные развлечения. Так вот хотелось бы уточнить. Со мной. С ним. Или с нами обоими?

– Не думаю, что вам известно, на что я согласна, а на что нет, – с трудом выдавила из себя.

– Хм, обычно я не ошибаюсь в людях.

Да что, в конце концов, происходит? Он играет со мной в только ему понятную игру, смысл которой мне никак не удастся уловить. Будет смешно, если всё окажется не более, чем шуткой. Или вовсе проверкой. Он же никогда не смотрел на меня вот так.

В любом случае, я здесь лишь на время болезни Екатерины. Так сказать подменный работник. И это значит, что через две недели покину этот офис.

– У тебя когда-нибудь был секс с двумя мужчинами, одновременно? – продолжил он, как бы, между прочим, касаясь большим пальцем моего раскрывшегося в изумлении рта.

– Две пары рук ласкающие с ног до головы, два горячих мужских тела сжимающие тебя между собой?

Палец проник глубже, погладил язычок, выскользнул и снова вернулся обратно. Его глаза потемнели, дыхание сбилось.

– Их тоже два... – голос хриплый, тягучий, – где захочешь, как захочешь, сколько захочешь. ... Надумаешь, завтра на даче у Кости. Я за тобой заеду. Если нет, позвонишь и скажешь.

Глава 2

– Не понимаю тебя, Дина. Такой шанс, а ты передо мной в позе думающего памятника? Или у тебя есть вариант получше, о котором я не в курсе?

Начальница смотрела на меня поверх огромных очков, постукивая карандашом по столу. В ее раскосых зеленых глазах плескалось раздражение. Я заерзала в кресле, посмотрела в окно, где на деревьях набухали почки, потом снова на Майю.

Это «предложение» свалилось как снег на голову. Китай. Не Париж и не Лондон. Три недели. Чужой язык, чужая культура, о которой я знала только из пугающих статей про тотальный контроль и деловую хватку, ломающую западных партнеров. Страх был холодным и липким: вдруг не справлюсь? Затеряюсь? Окажусь бесполезной? Но под ним kloкотал другой, яростный импульс – а вдруг это то самое «дальше»? Тот самый рывок, после которого всё меняется?

– Я не люблю лягушек, – неуверенно выпалила я, хватаясь за первую глупую мысль, лишь бы выиграть время. – И собак тоже.

– Господи, при чем тут лягушки с собаками? – Майя всплеснула руками, чуть не опрокинув кружку с остывшим кофе.

Ее длинные пальцы с безупречным маникюром (на каждом – по золотому колечку) оказались на удивление ловкими. Майя была привлекательной женщиной, но сходство с нарядной новогодней елкой портило впечатление.

– Я не хочу их есть, – упрямо повторила я, чувствуя, как звучит это по-детски.

– Кто тебя заставляет?! – наконец поняв, о чем я, она нахмурилась. – Хотя... Ладно. Пожалуй, пусть летит Савченко. Она, как и ты, бездетная и незамужняя. А нашему клиенту этого вполне достаточно.

Упоминание Лилии Савченко подействовало как ушат ледяной воды, но не от страха, а от жгучего, немедленного протеста. Представить, как она будет хвастаться этой командировкой у кулера... Нет.

– Нет! Я полечу! – выкрикнула я слишком громко, и решение, наконец, кристаллизовалось внутри, твердое и острое.

– А лягушки?

– Вы же сами сказали – не обязательно...

– Ну? Еще сомнения? – Майя приподняла бровь.

– Мне же еще дорабатывать у Диканова. Как я вот так уйду?

Диканов. Мой (уже бывший) босс. Грубый, красивый, наглый. Даже сейчас, вспоминая ту сцену в кабинете, его палец у моего рта и низкий голос, я чувствовала, как по спине бегут мурашки – не только от отвращения.

– Не твоя забота. Я все улажу с его отделом кадров. Решено. – Майя махнула рукой, ставя точку. – Иди, Андрейченко, пока я не передумала. Паспорт в порядке? Вылет в десять вечера. Успеешь собраться?

– Успею! – отрапортовала я и, едва сдерживая смесь паники и азарта, выскочила из кабинета.

Лиля Савченко сидела у двери, что-то шепча новенькой стажерке и бросая на меня оценивающие взгляды. Я с трудом удержалась, чтобы не показать ей язык. Вместо этого сделала самое безмятежное лицо, какое смогла, и помчалась домой – не бегом, а быстрым, решительным шагом, чувствуя, как за спиной будто вырастают крылья. Пусть даже и ведущие в Китай.

– Mam, я знаю, ты волнуешься. Но такой шанс выпадает не каждый день.

Попытка упаковать чемодан грозила провалом. Я перекладывала вещи из стопки «нужно» в стопку «на всякий случай» и обратно, слушая полный тревоги голос в трубке.

– Нет, отцу еще не говорила. Он отлично поживает! И с Кирой мы наладили отношения... Мама, без нотаций, пожалуйста. Нет, Майя не пытается от меня избавиться... С чего ты взяла, что меня нанял китаец? А даже если так?.. Ой, все, не могу. Намажся кремом и расслабься. Энтони – привет. Целую, пока!

Я положила трубку, и тишина квартиры на мгновение оглушила. Свою мать я люблю, но ее запоздалая, показная гиперопека сейчас была не к месту. Лет на двадцать запоздалая. Я закрыла глаза, пытаясь прогнать раздражение, и тут зазвонил телефон.

На экране – номер бывшего начальника. Сердце провалилось куда-то в желудок, а потом выпрыгнуло в горло. Бывшего, напомнила я себе, набирая воздух в легкие.

– Алло... Дмитрий Геннадьевич, – отозвалась я, и мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

– Дина. Напоминаю про встречу завтра. Будь готова к восьми. Я заеду.

– Дмитрий Геннадьевич, дело в том... завтра не смогу. Я улетаю. И, собственно, дорабатывать у вас последнюю неделю не буду. Простите. Так вышло...

На той стороне повисла гробовая тишина, настолько плотная, что я услышала собственное сердцебиение.

– Какого черта?! – его голос прорвался наружу, грубый и оглушительный. – Что ты несешь?!

Я отодвинула телефон от уха. Он кричал так, будто находился в этой же комнате. В гневе он был устрашающе точен и безжалостен. Я стояла посреди комнаты с телефоном в вытянутой руке, глядя на хаос в чемодане, и ждала. Ждала, когда закончится этот ураган.

– ...Вместо меня пришлют другую, – перебила я в первую же микроскопическую паузу, когда он перевел дух. – Разве Майя Алексеевна не предупредила?..

В ответ снова полился поток отборной, виртуозной ругани, из которой я разобрала только ядреное: «На кой хер мне другая?» и несколько творческих вариантов, куда мне следует смотреться.

Дмитрий был в своем репертуаре. Но сейчас, слушая его, я чувствовала не страх, а странное, хрупкое бесстрашие. Это был мой разрыв. Мой уход. Время поджимало, и я, не придумав ничего лучше, нажала на красную трубку.

Тишина снова оглушила. Я перевела телефон в беззвучный режим, положила его на комод и отступила на шаг, как от заряженного устройства. Он перезвонил немедленно. И еще раз. И еще. Я не отводила взгляда от мигающего экрана, чувствуя, как внутри все сжимается от ужаса перед последствиями. Но вместе с ужасом было и другое – щемящее, горькое освобождение. Плевать. Я все равно не собиралась принимать его «приглашение». Я повернулась к чемодану и резким движением застегнула молнию. Пора.

В аэропорту Шанхая царил упорядоченный хаос. Гигантские залы, потоки людей, непонятные объявления на непонятном языке, и запах – странная смесь дезинфекции, специй и чего-то чужого. Я шла за толпой, волоча чемодан, глазами выискивая табличку со своим именем. Паника, мелкая и назойливая, начинала скрестись под ложечкой: «А вдруг никто не приехал? А вдруг я не там вышла?»

И тогда я увидела его. Он не держал табличку. Он просто стоял в стороне от основного потока, прислонившись к колонне, и смотрел прямо на меня. Высокий, в идеально сидящем светлом костюме, без пиджака, с дорогими солнечными очками в руке. Его взгляд был не поисковым, а узнающим, оценивающим – и уже неодобрительным. Он увидел меня первой: помятуго, с сумкой наперевес, с взглядом потерянного туриста.

Я подошла, пытаюсь выпрямиться, сгладить следы десятичасового перелета на лице.

– Вы Дина Андрейченко? – его голос был ровным, без интонации. Ни «здравствуйте», ни «добро пожаловать».

– Да, это я.

Он медленно, не скрывая этого, окинул меня взглядом с ног до головы. Потом сделал шаг вперед, обошел вокруг, и мне показалось, что он изучает не человека, а покупку, в качестве которой уже усомнился. Жара и влажность снаружи казались раем по сравнению с этим ледяным, молчаливым осмотром. Я дико хотела в душ, пить, а больше всего – чтобы это унижение поскорее закончилось.